

Геннадий Логинов

ЖЕРТВА АБДУКЦИИ

История о братьях по разуму,
которая учит ценить настоящее
и любить тех, кто с нами

Геннадий Логинов

**Жертва абдукции. История
о братьях по разуму, которая
учит ценить настоящее
и любить тех, кто с нами**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Жертва абдукции. История о братьях по разуму, которая учит ценить настоящее и любить тех, кто с нами / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856624-0

Иногда даже в самый, казалось бы, благополучно завершившийся день могут произойти события, разделяющие жизнь на ДО и ПОСЛЕ. Никто не может быть готов ко всему, но нужно стремиться проводить дни так, чтобы замечать, любить и ценить тех, кто нам дорог, здесь и сейчас, не откладывая этого на потом.

ISBN 978-5-44-856624-0

© Логинов Г.
© Издательские решения

Жертва абдукции

История о братьях по разуму, которая учит ценить настоящее и любить тех, кто с нами

Геннадий Логинов

*Море слов сокровенного смысла полно,
Этот смысл я читать научился давно. Но когда помышляю
о тайнах Вселенной, Понимаю, что мне их прочесть не дано.
Авиценна*

Иллюстратор Михаил Панфёров

© Геннадий Логинов, 2019

© Михаил Панфёров, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-6624-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот поздний вечер выдался на редкость безоблачным. Троица кремово-красных спутников, бросая безразличные взгляды своими холодными пустующими кратерами, озаряла дорожный простор отражённым светом бинарной звезды.

Пронзительный рёв видавшего виды пескохода нарушил чарующую ночную симфонию, спугнув редких, затаившихся в это время в кустах полуночных обитателей. Жизнь в столь позднее время суток для многих только лишь начинала бить ключом.

Оставляя за собой пылевые бури и щедро разбрызгивая во все стороны дорожную грязь, автомобиль миновал последний поворот, выехав на освещённую лунами трассу. Не отвлекаясь от управления машиной, Микай усилил громкость передатчика и, бросив очередной взгляд в зеркало заднего вида, подмигнул себе верхним глазом.

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en tu di ramoto – krii taa bu palla, – затейливо вещал передатчик. Бешеная скорость, пустующая трасса, весёлая мелодия – всё это лишь дополняло общую картину счастья Микая Аренали в последний день его холостяцкой жизни.

Он ухаживал за Тиррой полтора года: первое время она была для него неприступна (как, впрочем, и для всех остальных претендентов на щупальце и сердца красавицы), но Микай взял её настойчивостью и напором, продолжая ухаживать даже тогда, когда другие бы на его месте давно развернулись и плюнули. Он ухаживал за ней честно, внимательно, деликатно, не поливая соперников грязью и не пытаясь торопить события. Пожалуй, именно сочетание этих качеств и покорило её.

Аренали не испытывал никаких иллюзий: Тирра не любила его сама. Но, тем не менее, позволяла любить себя, а это – даже больше, чем бывает у некоторых пар. А впрочем, любовь и влюблённость – вещи разные. За короткий срок, не зная кого-то близко, можно только влюбиться. По-настоящему любят всё-таки за качества и поступки.

Если, конечно, хватает ума их заметить и оценить. А если нет – то не к чему и связывать жизнь с такой неблагодарной дурой. Ну, или – с таким неблагодарным дураком. Это уж кому как повезёт.

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en dinaro dbano – krii taa bu palla... – звонко и сладкоголосо пропел передатчик, после чего, сильно зафонив, начал плевать отдельными фразами, еле доступными через заглушающее шипение.

«Ну вот, снова сигнал пропадает. Похоже, всё-таки будет буря. Вот и верь после этого прогнозам», – отметил про себя Аренали, спустив гермоштитки. Повинуясь нажатию сенсорной кнопки дисплея, неторопливо выехавшие укрепления заслонили собою окна, скрыв от непосредственного обзора виды окружавшего пустыря.

Теперь пескоход превратился из мобильного транспортного средства в стационарную герметичную базу, способную переждать кризисный момент. Это означало вынужденную задержку. Но даже маленькая неприятность не была способна испортить настроение Микая в такой вечер.

Единственным источником связи с внешним миром и средством наблюдения за окружающей средой стал бортовой компьютер, способный не только воспринимать сигналы внешних сенсоров пескохода, но, в случае необходимости, получать и отправлять сведения на суборбитальный спутник частной компании, некогда предоставившей отцу Аренали в рассрочку эту колымагу.

Откинувшись в кресле, Микай запустил бортовой стереомонитор и, отворив бардачок, пошарил внутри. Фонарик, средства контрацепции, какие-то ключи, фотография младшего брата с его друзьями и девушкой, отцовский талисман на удачу, мамина записная книжка, какой-то непереработанный мусор, пустые неутраченные банки, вообще непонятно что...

...О! Вот! Нашёл!

Выудив шупальцем запасённую настойку колючника, Микай лёгким жестом отворил её и, смакуя, опустил в неё межпальцевый хоботок. С одной стороны, распитие за штурвалом, мягко выражаясь, не особо приветствовалось местными силами правопорядка: система бортовой навигации новейшего образца – так вообще запросто могла и отрубиться, если обнаруживала за рулём водителя, пребывающего в нетрезвом состоянии.

С другой стороны – откуда здесь взяться системе навигации новейшего образца, когда даже нормальным поисковым радаром обзавестись не удосужились? Да и что, в конце концов, может случиться от одной невинной баночки, тем более – во время стоянки? С этого и ребёнок не опьянеет, а пока буря начнётся, продержится и уйдёт – можно успеть хоть ящик таких вылакать. Всё равно – всё выветрится.

«Пропустим одну – и всё», – осушив с этими мыслями банку ртутно-аммиачного раствора, Микай небрежно закинул её в утилизатор, принявшись шуршать в бардачке в поисках второй. Но, не обнаружив таковой, грязно выругался, помянув отца-алкоголика, брата-раздолбая и всю его развесёлую компанию.

Поворчав ещё немного, Аренали переключил внимание на монитор. Как ни странно, по всем признакам намечавшаяся была буря что-то не спешила. Нет, конечно же, пескоход был далеко не новым, ему не хватало множества полезных и распространённых функций, но, тем не менее, обычно он работал вполне исправно. И уж точно не стал бы сбоить просто так на пустом месте.

Показатели датчиков неожиданно ожили, начав ощутимо зашкаливать. И это притом, что бури по-прежнему не наблюдалось. Настороженно поёрзав, Микай склонился над приборной панелью, не зная, что и думать. По экрану, мельтеша, одна за другой, множась, пробежали помехи. Шипенье, треск, сигнальные гудки и странные шумы неблагозвучной симфонией исторглись из аппаратуры за миг до того, как на мониторе возникло нечто различимое на фоне окутанного звёздами неба.

Поначалу оно было похоже на падающую звезду, но в скором времени «звезда» изменила направление падения и, поменяв с удивительной скоростью свою траекторию, устремилось навстречу.

По мере приближения неизвестного объекта аппаратура продолжала трещать, датчики – зашкаливать, а очертания предмета всё менее походили на небесное тело или знакомые виды транспорта.

В следующий миг, издав предсмертные пiski, – оборудование сдохло. Помещение пескохода, отрезанное от внешнего мира, погрузилось во тьму.

«Всего одна баночка. Это ведь была лишь одна баночка! Ну, не может же всего этого быть из-за какой-то там единственной пропущенной порции», – утешая себя, изумился Микай, взволнованно осматриваясь в непроглядной темноте.

Совсем недавно, только погружаясь в пескоход, он пребывал в твёрдой уверенности, что находится там один, но теперь на расстоянии вытянутого щупальца ему виделось, как в кабине машины, где-то рядом, а быть может, прямо за спиной, затаилось какое-то непостижимое *нечто*. Что-то неизведанное, таинственное и вместе с тем очень жуткое.

Пар сизыми струями принялся исходить из центра макушки, говоря о сильнейшем внутреннем переживании. Микай судорожно касался кнопок, дёргал тумблеры, давил на рычаги, пытался оживить панель...

...Но всё было без толку.

«Кто здесь? Что происходит? А может быть, просто показалось? Может быть, стоит закрыть глаза – и всё это просто исчезнет? У меня завтра свадьба. Вернее, уже практически сегодня. Я хочу жить. Я очень хочу жить. Пусть *оно* уйдёт. Пусть *оно* оставит меня. Я хочу домой. Я хочу к семье. Мне страшно. Мне очень страшно. Мне никогда в жизни не было так страшно. Я не понимаю, что происходит. Почему техника отказала? Что вообще творится? – судорожно размышлял про себя Аренали. – Так, Микай, соберись! Мужик ты, в конце концов, или нет?! Так, фонарик! Точно! Как я мог про него забыть! Всё от ужаса вылетело...».

В очередной раз пошарив в бардачке, Микай с радостным облегчением извлёк на свет фонарь, но вместе с тем не спешил пускать его в ход.

Его пугало то, что может скрывать в себе тьма.

Но наконец, приложив волевое усилие, мужчина нажал на кнопку. Непривычно яркий луч, от света которого глаза уже даже успели отвыкнуть, осветил приборную панель.

Осторожно Микай поводил светом фонаря вокруг. Ничего особенного – всё то же, и всё там же, где и было обычно.

«Дурак. Это ж надо так себя накручивать. Но, с другой стороны, – что же на самом деле случилось? Почему вдруг всё оборудование вышло из строя? Ведь бури же нет! Я люблю Тирру. Я хочу к Тирре. Я хочу жить. Мне нужно быть живым, чтобы жениться на Тирре. Мёртвый я не смогу этого сделать... – нервно оттерев выступившую на лбу слезу, Микай выпустил пар. – Вот ведь лезет в голову всякий бред...».

Додумать мужчина не успел, потому что в этот самый миг его тело парализовало: щупальце безвольно упало, выронив бесполезный фонарь, который, закатившись под сиденье, продолжил освещать салон пескохода. Слабое свечение порождало игру теней, лишь усиливая и без того нагнетавшийся ужас. Микай просто ощущал, что рядом с ним, здесь и сейчас, присутствует *кто-то* или *что-то*, недоступное ни технике, ни обычному зрению.

Первый приступ паники начался в тот миг, когда Аренали ощутил, что утратил контроль над собственными членами. Он по-прежнему ощущал свои конечности, но – был не в силах ими пошевелить.

Собрав волю в щупальце, мужчина мысленно напрягся, пытаясь сдвинуться с места. И, надо сказать, в какой-то мере ему это удалось – по его телу действительно, в какой-то миг, прошла судорога. Но добиться чего-либо более приемлемого – у него так и не вышло. К этому моменту уже подкатила и вторая волна паники, когда Микай ощутил свою беспомощность при полном непонимании ситуации.

Яркий, но холодный потусторонний луч упал откуда-то сверху, заполнив собою всё пространство пескохода, и Аренали почувствовал, сколь ничтожным сделался его вес. Тело, оторвавшись от кресла, медленно и плавно начало подниматься вверх по лучу.

Ожидая удар о потолок пескохода, Микай с удивлением обнаружил, что полёт продолжается, в оцепенении наблюдая, как его голова проходит сквозь запечатанную герметичным покрытием крышу салона. Следом – поднялось и всё тело, и вот уже вскоре целый пескоход оказался где-то внизу.

Микай поднимался ввысь над трассой, ввысь над пустырём, ввысь над колючниками и оврагами. Его взгляду стали доступны широкие просторы, озарённые небесным сиянием. Ему было страшно. Очень.

Неопознанный летающий объект, по габаритам и форме напоминавший своего рода громадный утюг, стремительно и верно затягивал его своим лазурным лучом.

В памяти пронеслись все многочисленные невнятные байки и рассказы, то и дело звучавшие в вечерних новостях, либо становившиеся предметом очередного трэш-фантастического кино: инопланетные цивилизации, в далёкой древности посещавшие Цению, оказывавшие влияние на становление нынешних культур, понастроившие свои исследовательские базы, ныне воспринимаемые в качестве памятников древней архитектуры, оставившие на память различные непонятые артефакты...

А ещё эти постоянные странные символы на почве, истории про похищенных... В первую очередь, конечно же, Микаю в этот момент приходил на ум его отец: пьяница-неврастеник, твердивший на каждом углу о том, как в молодости высокие инопланетяне с мохнатыми головами похитили его, подвергнув своим чудовищным опытам.

Разумеется, собственным детям Аренали-старшего доставалось не раз – как в школе, так и в зрелые годы. Поскольку сыновьям «того самого сумасшедшего алкаша с инопланетным зондом в заднице» жилось в провинциальном городке совсем непросто.

Ранее Микай долгое время ненавидел отца, не будучи в силах простить ему ни пьянства, после которого тот распускал руки-щупальца или развязывал язык, ни баек, которые он травил на каждом углу, позоря при этом семью. Но теперь – Микаю было одновременно страшно и стыдно. Страшно – за себя, и стыдно – потому что теперь он верил. Верил, что все эти истории, рассказанные подвыпившим отцом, – вовсе не блажь сумасшедшего.

Даже нет, не так. Вера – подразумевает непоколебимую убеждённость в чём-либо при отсутствии бесспорных доказательств, в то время как теперь он просто был поставлен перед фактом: инопланетяне (как вариант – пришельцы из иного измерения, бесы, демоны, или кто там они все на самом деле) – действительно существуют.

Они действительно прилетают, действительно крадут беспечных граждан и ставят над ними свои чудовищные опыты, засовывая свои зонды им в... Даже страшно представить куда...

Оказывается, это была правда. Раньше – ещё можно было верить или нет, но всё-таки факты – вещь упрямая. У отца просто не хватило силы духа. И немудрено – его не поддержал никто, даже родные и близкие...

Боже, как же всё-таки страшно. Как хочется жить. Как хочется остаться живым, здоровым и оказаться где-нибудь как можно подальше отсюда.

Микай взглянул вдаль, где за трассой красовались огни города, находившегося так близко, но так далеко. Где-то там его ожидала Тирра...

Лазурное сияние заволокло всё вокруг, полностью поглотив Микая...

– Скальпель!

– Скальпель...

– Зажим!

– Зажим...

– Тампон!

– Тампон...

– Теперь осторожнее, сделайте надрезы вот здесь и здесь. Молодец, Кацумото. А вы, Уоллес, – смотрите и учитесь. И вообще, не стойте же здесь как истукан – поддержите тут. Кацумото, посветите...

– Смотрите, кажется, он уже начал приходить в себя...

Медленно пелена начала сходить с множества разноцветных глаз Микая: поначалу поморщившись от яркого света, вскоре он начал различать очертания и фигуры. Первое время Аренали не соображал, где именно он находится и что происходит; но вскоре недавно пережитый ужас очнулся в памяти, а открывшийся вид лишь дополнил картину.

Тело Микая, зафиксированное и даже частично вскрытое, находилось посередине широкого серебристого и очень холодного операционного стола, в то время как странный массивный прожектор продолжал подсвечивать его обнажённые внутренности лазурным светом. Казалось, этот свет был наделён тяжестью. И, как ни странно, облучённый им ценианец, несмотря на всё это, по-прежнему был жив.

Какие-то металлические щупы, выступающие из-под краёв операционного стола, подобно паучьим ножкам, удерживали края его плоти, в то время как трое загадочных и жутких существ неценианского вида склонились над ним. Все трое были в очень странной одежде – каких-то причудливых, с гермошлемами, зеленоватых комбинезонах, внешне ничем не отличавшихся один от другого.

Однако различия существовали между самими владельцами комбинезонов. Кожа на лице одного из них была тёмного цвета, у второго были узкие глаза и более полноватое лицо и фигура, а третий на их фоне казался каким-то особенно бледным. При этом у всех троих чудовищ над глазами имелась шерсть, а у третьего она была и вокруг розового рта.

– Уоллес, введите дополнительную дозу обезболивающего, – не отрывая взгляда от Микая, жуткое существо с наиболее светлой кожей поводило перед глазами ценианца продолговатым серебристым предметом, внешне напоминающим какой-то причудливый фонарик. – Взгляд осмысленный. Наркоз переносит нормально.

Микай не понял ни единого слова из сказанного, да и непривычные звуки в большей степени напоминали какой-то странный шум, нежели осмысленную речь.

Существо с тёмной кожей ненадолго удалилось от операционного стола, но вскоре появилось вновь, удерживая в руке серебристый предмет, напоминающий инъекционный пистолет. Не в силах озвучить внутренний крик, Аренали продолжал беспомощно следить за происходящим.

Осторожно, будто бы опасаясь укуса, темнокожий склонился над Микаем, словно над диким животным, протянув к нему свой пыточный инструмент.

– Ну же, Уоллес, смелее. Это всего лишь укол обезболивающего. В самом деле, я же не заставляю вас самостоятельно проводить надрезы и пересадку ганглия, – снова подало голос существо с бледной кожей.

– Мне просто это всё в новинку, Док. Теорию я, конечно, изучал, практиковался на виртуальных моделях, и много раз, но тут... – запинаясь, промолвил темнокожий.

– Уоллес! – повысил голос светлый пришелец.

Зафиксировав одно из многочисленных щупалец Микая своим непривычным отростком, инопланетянин резко произвёл укол, впрыснув какую-то дрянь.

«Гады! Сволочи! Твари! Уроды!» – со злостью и ужасом всматриваясь в отвратительные хари инопланетных чудовищ, подумал про себя Аренали.

– Хорошо... Кацумото – введите объекту новую партию нанозондов и приступайте к процессу сканирования. Я уже передал информацию с прошлой матрицы в штаб, ребята сейчас изучают, – удовлетворённо кивнув, бледный поднёс к Микаю какую-то белую трубку. – Группа Аддерли, как обычно, удружила, нечего сказать. Столько возни теперь по наши души.

Секундная вспышка, синий луч, лёгкий надрез, устройство, достающее, к немалому удивлению Микая, какую-то инородную фигню из его тела...

...Следом – водрузили уже другую.

«Боже, за что?! Где я?! Что со мной?! Это сон?! Это какой-то кошмар?! Мне всё это снится?! – судорожно мечась, мысли сбивали друг друга, оккупировав сознание. – Я где... Я что... В аду? Или где?! Или как?! Что это за твари?! Что за чудовища?! Хочу домой. Прочь отсюда. Домой! Это всё настойка на колючках. Больше никогда не буду пить. Честно. Сейчас закрою глаза – и всё это исчезнет. Ну, пожалуйста! Лишь бы уйти отсюда навсегда! И никогда не возвращаться!».

– Ладно, Кацумото, зашивайте, – кивнул бледный вожак, после чего узкоглазый толстяк приблизился, посветив над Микаем каким-то согревающим фонариком, в свете которого словно бы виднелись целые скопления атомарных существ.

Раны рубцевались, затягиваясь плёнкой буквально на глазах, и менее чем за минуту уже ничего не говорило о том, что недавно над ценианцем проводилась сложнейшая хирургическая операция.

– Запись номер «одна тысяча восемьсот тридцать восьмая», – обернувшись к каким-то настенным экранам, промолвил бледный. – Первый день эксперимента номер «девять тысяч двенадцать дельта тау тау». Экспедиционный Корпус Института Объединённых Планетарных Исследований, экспедиция доктора ксенобиологических наук кафедры альтернативной биохимии Института Объединённых Планетарных Исследований, профессора Константина Леонова. Рассмотренный нами образец под кодовым названием «три дельта три» обладает всеми искусственно привитыми на стадиях предшествующих поколений признаками...

Пришелец продолжал извергать в пространство непонятные странные звуки, в то время как Микай осторожно принялся осматриваться. Помещение операционной было светлым, просторным, изобиловало какой-то техникой непонятного предназначения. На одной стене находилось огромное количество мерцающих экранов, в подавляющей массе демонстрировавших соплеменников Микая, по всей видимости погружённых в состояние искусственного сна. Другие экраны транслировали разнообразные, но вполне узнаваемые виды животных и растений, населявших Цению. Третьи отображали какие-то помещения, приборы, устройства...

Но один из великого множества экранов, открывавший панораму над знакомым пескоходом, вскоре привлёк особое внимание ценианца.

Поначалу неторопливо – изображение начало меняться: и вот, уже в следующие несколько мгновений, экран заполнила Цения. Вид родного мира с борта инопланетного корабля одновременно вызывал восторг и, в большей степени, навевал страх и тоску.

Инопланетный летательный аппарат начал плавно переходить на вторую космическую скорость, в то время как родная планета, к пушечному ужасу Микая, стремительно отдалялась, становясь всё меньше и меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.